

РУКОВОДСТВО для СЕЛЯНСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~ Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ пере- № 40. редакціи сего журнала, при
сылкою пять р. с.~~~~~ кievской семинаріи.

1870 года. Октября 4-го.

Содержаніе: Рѣчь при открытіи кievскаго комитета всероссійскаго миссіонерскаго общества, произнесенная высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ, 14 сентября 1870 года. — Праздникъ Покрова пресвятыя Богородицы. — Древне христіанскій религіозный символизмъ. — Новая книга въ пособіе при первоначальномъ преподаваніи закона Божія.

РѢЧЬ

при открытіи кievскаго комитета всероссійскаго миссіонерскаго общества, произнесенная высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ, 14-го сентября 1870 года.

Почтенное собраніе!

Возлюбленные о Господѣ чада и братія!

Душевно радуюсь и благодарю Бога-Благодѣтели, давшего мнѣ утѣшеніе высокое-видѣть себя среди столь многочисленнаго и благоподвижнаго къ добру собранія, одушевленнаго одною благотворною мыслию и однимъ святымъ желаніемъ—служить, по мѣрѣ силъ своихъ, такимъ или другимъ образомъ благу человечества и просвѣщенію евангельскою истиною заблудшихъ братій своихъ,—собранія любителей Христовой

вѣры и ревнителей просвѣщенія духовнаго. Это вѣрный признакъ и неложное свидѣтельство, что древнепрестольный градъ равноапостольнаго князя Владиміра Кіевъ не позабылъ еще своего первоначальнаго призванія—быть не только колыбелію, но и плодотворнымъ разсадникомъ спасительной вѣры во Христа для всей Руси необъятной,—быть, такъ сказать, богообщительнымъ органомъ для всѣхъ народовъ, населяющихъ ее,—быть нашимъ Сіономъ и новымъ Іерусалимомъ, откуда, по судьбамъ промысла Божія, надлежало изыти спасенію на лице вся земли русскія. И возможно ли было забыть? Не возстала ли бы тогда противъ насъ, какъ неблагодарныхъ и нечувствительныхъ къ славѣ своихъ предковъ, сыновъ, съ упрекомъ жестокихъ и жезломъ карательнымъ неподкупная свидѣтельница временъ и народовъ исторія, которая обращеніе народа русскаго къ вѣрѣ православноѣ, его искреннее усердіе къ ней и пламенную ревность къ сохраненію ея, какъ событіе, вѣчно для него славное, отиѣтила на своихъ скрижаляхъ каменныхъ чертами неизгладимыми? Не послужили ли бы въ такомъ слѣчаѣ облиценіемъ для насъ эти каменные громады, окружающія насъ, эти стремнины, зіяющія предъ нами, и этотъ сѣдовласый Днѣпръ, который выѣстъ съ низверженнымъ въ него идоломъ Перуномъ, принявъ въ свои волны все языческое суевѣріе древнеславянское, быстро перенесъ и навѣки погрузилъ въ бездны морскія? Не отозвалась ли бы противъ насъ тяжелымъ и гробовымъ ропотомъ самая почва земли града благословеннаго, святынею святыхъ мужей и женъ обновленная и пропитанная, по которой мы недостойные нынѣ такъ небрежно ходимъ, и на которой каждый, можно сказать, шагъ, каждое урочище, едва замѣтная развалина, откопанный изъ нѣдръ земныхъ фундаментъ, изсохшій ручей, открытые изъ-подъ вѣковаго слоя штукатурки древніе фрески и мозаика, сохраненное живымъ преданіемъ названіе, всѣ

вмѣстѣ и каждый порознь, и особенно храмы Господни, на прославленныхъ въ языческой древности мѣстностяхъ устроенные, напоминаютъ и свидѣлствуютъ о сильной вѣрѣ отцовъ нашихъ и пламенной ихъ ревности объ ея распространеніи? Не съ этихъ ли холмовъ вѣчныхъ, видѣвшихъ рожденіе царства русскаго и не разъ въ теченіи вѣковъ торжествовавшихъ его славу и величіе всемірныя, не съ этихъ ли, говорю, горъ и холмовъ, освященныхъ стопами Первозваннаго Апостола и благословенныхъ свыше его словомъ пророческимъ, которые такъ величаво и своеобразно, какъ-бы гордясь своими воспоминаніями славными, предъ нами высятся, свѣтъ Христовъ струями обильными и потоками быстрыми разлился по всему пространству земли русскія и вскорѣ достигъ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ ея на востокъ и западъ, на югъ и сѣверъ—отъ моря Балтійскаго до Азовскаго, отъ Бѣлаго до Чернаго, отъ Каспійскаго до Ледовитаго!

Да! достигъ дѣйствительно, но не охватилъ всего необъятнаго пространства разнородныхъ населеній, особенно на восточныхъ нашихъ окраинахъ; достигъ, но не вездѣ равномерно проникъ, по разнообразію почвы воспріимлющей, не вездѣ съ одинокою силою начала свѣтоноснаго, по недостатку самыхъ первыхъ условій для просвѣтительнаго дѣйствія: въ иныхъ мѣстахъ онъ только коснулся суевѣрныхъ и звѣронравныхъ обитателей и мгновенно отразился, какъ лучъ солнечный отъ скалы каменистой, а въ другихъ хотя и пробилъ грубую кору чувственности въ этихъ одичалыхъ дѣтяхъ природы и чрезъ то открылъ себѣ путь въ самыя сердца ихъ, но внезапно, встрѣтивъ на семъ пути преграду непреодолимую въ лжеименной мудрости человѣческой, прикрывающей себя именами почетными вѣротерпимости, свободомыслія и гуманности, въ настоящемъ впрочемъ своемъ видѣ отнюдь не мудрыхъ и не гуманныхъ, принужденъ

былъ остановиться и сокрыть лучи свои во глубинѣ христіанскаго терѣнія, оставивъ чрезъ то свободу необузданную всѣмъ противохристіанскимъ вѣрованіямъ—дѣйствовать въ свою пользу и во вредъ нашей святой вѣрѣ и Церкви, во вредъ нашему любезному отечеству и къ душѣвной пагубѣ нашихъ единоплеменныхъ и племенныхъ соотечественниковъ.

Противъ сихъ-то враждебныхъ благу Церкви и отечества стремленій иновѣрія, преимущественно на восточныхъ окраинахъ имперіи обнаружившихся, а отчасти и среди насъ, вблизи и сосѣдствѣ нашемъ нерѣдко проявляющихся, мы нынѣ призваны, возлюбленные о Господѣ чада и братія, и волею Монаршею и долгомъ христіанской своей совѣсти и многочисленными указаніями слова Божія, дѣйствовать по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, и словомъ братолюбнаго убѣжденія и посильными приношеніями въ пользу посольствующихъ по Христу и обращающихся ко Христу, и благими совѣтами и разумными увѣщаніями и благовременными возбужденіями и поощреніями во славу Божию и спасеніе ближнихъ. И у кого изъ насъ станетъ духа на это многообразное и многочастное призваніе отозваться отрицательно, или выслушавъ оное съ безучастнымъ равнодушіемъ, отойти спокойно и небрежно, не оставивъ слѣда своего сочувствія къ дѣлу богоугодному, овъ на село свое, овъ же на куплю своя? Кто изъ насъ во глубинѣ души своей не почувствуетъ, что здѣсь дѣло идетъ о христіанскомъ моемъ званіи, о правѣ быть или не быть христіаниномъ, о вѣрномъ способѣ заслужить или потерять благоволеніе Божіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ обезпечить, или утратить для себя блаженство вѣчное? Кто изъ насъ въ семь случаевъ не вспомнить, что самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, проходя грады и веси съ евангельскою проповѣдію, научая вѣрѣ невѣрующихъ, а своимъ Апостоламъ давъ прямую

заповѣды идти въ весь міръ и учить всѣ народы, просвѣщая ихъ святымъ крещеніемъ, съ тѣмъ притѣмъ, чтобы никакихъ съѣстныхъ припасовъ съ собою не брали, а во всякомъ домѣ, въ который будутъ приняты, пребывали ядуще и піюще, иже суть у нихъ: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея (Лук. 10, 7), тѣмъ самымъ узаконопалъ для однихъ изъ насъ дѣло проповѣди блуждающимъ во тмѣ невѣрія, а для другихъ дѣло благотворенія и снабженія вещественными пособіями тѣхъ и другихъ? Осмѣлимся ли мы и сего гласа божественнаго послушаться и такимъ образомъ открыто явиться сынами противленія? На сыновъ же противленія, по словамъ Апостола, грядетъ уже гнѣвъ Божій, который егда возгорится, не угаснетъ, дождеже вся потребить (Колос. 3, 6). Да сохранить насъ отъ сего Господь: мы сыны послушанія, освободившіеся во св. крещеніи отъ грѣха и поработившіеся правдѣ, плодъ убо имамы во святую, кончину же жизни вѣчную (Римл. 6, 22) Мы, конечно, не допустимъ себя до такой тщеты, чтобы изъ-за какихъ либо мелочныхъ расчетовъ своекорыстія и ничтожныхъ выгодъ земныхъ потерять столь высокое и безцѣнное приобрѣтеніе. И вотъ апостолъ Іаковъ указываетъ намъ между прочимъ легкое и вѣрное къ тому средство въ миссіонерскомъ дѣлѣ обращенія заблудшихъ: братіе, говоритъ онъ, аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 19, 20) Не то же ли обѣщаетъ намъ за подобный подвигъ и самъ Господь, будущій Судія живыхъ и мертвыхъ, имущій въ день онъ воздати комуждо по дѣломъ его, когда говоритъ: иже сотворитъ и научитъ (тако человеки), сей велий наречется во царствіи небеснѣхъ (Матт. 5, 19), или: иже аще напоитъ вы чашею воды во имя Мое, яко Христовы есте, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея (Марк. 9,

41), или: поспеже сотвористе единому снхъ братій Моихъ меньшихъ, Миѣ сотвористе. Приидите убо, благословенніи Отца Моего, и наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Матѣ. 25, 40, 34)?

Послѣ сего остается намъ только благодарить промысль Божій, даровавшій намъ случай и возможность малыми лептами земнаго сокровища стяжать некрадомое и безцѣнное сокровище небесное. Въ заключеніе всего убѣждаю васъ словомъ апостольскимъ: облецытеся убо, якоже избранныи Божіи, святы и возлюбленніи, во утробы щедротъ и отъ благаго сокровища своего изнесите благіе плоды праведныхъ трудовъ вашихъ въ житницу небесную, на пользу дѣла, но преимуществу богоугоднаго и благоплоднаго Благодать и милость Божія да будетъ съ вами. Вознесыйся на крестъ возлею Христосъ Господь и, вознесшеся на крестъ, обѣщавый вся привлечь къ Себѣ, да привлечетъ къ Себѣ силою благодати Своея вся люди, сущія на земли, и да будетъ едино стадо и единъ пастырь, а мы людіе Его и овцы пажити Его.

ПРАЗДНИКЪ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

Конечно, многимъ изъ насъ извѣстенъ городъ Царь-градъ или Константинополь—древняя столица православно-христіанскаго міра, сдѣланный столицею въ 4 вѣкѣ по Р. Хр. первымъ христіанскимъ императоромъ, святымъ равноапостольнымъ Константиномъ великимъ, отъ котораго и самое названіе его »Константинополь«. Не какъ теперь подъ владычествомъ и игемъ невѣрныхъ,—эта знаменитая столица имперіи восточной прежде была подлинно достойною носительницею, хранительницею и представительницею процвѣтающаго и плодоносящаго христіанства. То было ея знаменитое время, доселѣ вызывающее сердечное сочувствіе къ

ней со стороны христіанъ и особенно-христіанъ, связанныхъ съ нею узами единовѣрія и принявшихъ отъ ней во всей чистотѣ св. вѣру Христову. Красовалась она въ оное бывшее время величіемъ великолѣпныхъ храмовъ, указавшимъ достойное святыни направленіе чисто религіозному вкусу; сугубо цвѣло въ ней высшее, внѣ интересовъ міра сего, благочестіе христіанъ; отсюда знаменитыя по ясности и глубинѣ вѣры, по полнотѣ и точности опредѣленія и выраженія, по высотѣ религіознаго созерцанія, по искренности благочестія, слова знаменитыхъ въ христіанствѣ свѣтильниковъ святой вѣры и истиннаго благочестія разлились по всему христіанскому міру. Изъ имперіи восточной, изъ Константинополя, расходилось составленное на вселенскихъ соборахъ правое исповѣданіе христіанства во все концы міра. Отъ нея, благостными судьбами Всевышняго, перешло христіанство, со всемімъ благочестнымъ выраженіемъ его, и въ наше богоспасаемое государство, при благовѣрныхъ, приснопамятныхъ нашихъ князьяхъ—Ольгѣ и Владимірѣ. И, благодареніе, великое благодареніе Господу, принята нашимъ государствомъ христіанская вѣра отъ знаменитой между существовавшими тогда христіанскими Церквями Церкви греческой, вѣра едина правая, развившаяся и опредѣлившаяся во всемія строѣ церковнаго благочинія и еще тогда, когда не было пагубнаго въ христіанствѣ отдѣленія западной Церкви отъ Церкви католической; слѣдовательно принято христіанство вселенское, христіанство вѣроисповѣданія правого—православное.

Для насъ, посему, не только весьма важно все общехристіанское, переданное намъ и всецѣло принятое нами отъ Церкви грековосточной, но и въ частности должно быть весьма дорого и все, относящееся къ исторіи сей матери нашей россійской Церкви и единовѣрнаго намъ христіанскаго царства греческаго. Особенно, для дѣла вѣры, въ дѣлѣ

религін, имѣють неоспоримую важность событія, въ которыхъ имѣла случай выразиться живая вѣра сихъ христіанъ и въ которыхъ по преимуществу отобразилось животворное знаменіе вседѣтельной руки Всевышняго, поборающаго правотѣрю.

Къ таковымъ событіямъ относится и событіе, послужившее началомъ настоящаго нашего праздника.

Въ 903 году по Р. Хр., на греческое государство, при императорѣ Львѣ философѣ, напали сарацины. Самой столицѣ греческаго царства—Константинополю грозила большая опасность. Страхъ, въ виду грубаго, презирающаго всякое умиротворяющее образованіе, народа, овладѣлъ всѣми. Жители столицы христіанской имперіи, какъ и всегда въ особенно тяжелыя минуты опасностей, прибѣгли къ Богу съ крѣпкой мольбой, подвизая на молитву за христіанскій родъ и небесную заступницу христіанъ, Владычицу нашу Богородицу. И вотъ, когда въ одной изъ многихъ церквей Константинополя, въ церкви Влахернской, на всенощномъ бдѣніи, было множество молящихся, одному изъ особенно усердныхъ богомольцевъ, имѣющему очи видѣти и даръ разумѣти, открылось общеутѣшительное видѣніе. У одного благочестиваго грека того времени, по имени Θεογνόστα, былъ простой слуга, родомъ славянинъ, по имени Андрей,—права кроткаго, богобоязливаго, благочестиваго и любящаго ученіе книжное. Θεογνόстъ, видя таковое направленіе своего слуги, не слишкомъ много обременялъ его работами, давалъ ему свободу предаваться достолюбезному ему богомыслию и потомъ постарался доставить ему возможные въ то время и въ его положеніи средства къ образованію. Научившись грамотѣ и навывкнувъ въ оной, Андрей со всею ревностію отдался чтенію благочестивыхъ книгъ, въ которыхъ наученъ былъ, стараясь, при этомъ, читаемое прилагать къ жизнедѣятельности. Чтеніе книгъ божественныхъ, хожденіе въ храмъ

Божій, частая молитва въ продолженіи цѣлыхъ ночей и постоянная дума объ исполненіи всего именно такъ, какъ велитъ Богъ во св. законѣ Своемъ и совѣсть—были постоянными запятіями Андрея. Какъ ни дорогъ былъ такой богобоязненный, а потому честный, совѣстливо-ревностный исполнитель дѣлъ службы слуга для хозяйства Θεогноста, Θεогность однабожь изъ глубокаго уваженія къ высшему направленію сего слуги, обнаруживающему его высшее призваніе, освободилъ его отъ всѣхъ занятій услуженія и предоставилъ его самому ему. Уже безъ всякихъ отвлеченій и развлеченій, вполнѣ свободно Андрей могъ располагать всѣмъ своимъ временемъ и все свое время посвящать молитвѣ, въ чувствѣ постоянного вездѣприсутствія Божія, помысленію о вѣчной жизни, безъ всякихъ думъ о приобрѣтеніи вещественныхъ благъ и такъ называемыхъ удобствъ жизни. Родомъ жизни онъ избралъ себѣ нищенство, способомъ богоугожденія—юродство. Худая одежда, ночи подъ открытымъ небомъ, терпѣливое перенесеніе зноя, стужи, непогоды, усиленное пощеніе, раздача бѣднымъ того, что ему самому подавали какъ нищему, стали всегдашними въ его жизни. Такая подвижнически воспринятая для большаго доставленія перевѣса надъ грубою, клонящею человѣка долу, плотію, жизнь во Христѣ для людей, привыкшихъ къ жизни по духу міра сего, казалась жизнію недостойною человѣка, и потому въ людяхъ міра сего возбуждала глумленіе надъ праведникомъ и надъ высшими началами и стремленіями его жизни. Многіе принимали его за безумнаго, встрѣчали насмѣшками, надѣляли бранью, бросали въ него чѣмъ попало и били. Но эти знаки презрѣнія къ себѣ людей Андрей переносилъ терпѣливо, усматривая въ этомъ для себя приобщеніе страданіямъ Христа Спасителя, Который «пострадалъ за насъ, намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, — Иже грѣха не сотвори, ниже обрѣтесе лѣсть во устѣхъ

Его,--Иже укоряемъ противу не укоряше: стражда не прещаше: предающе же судящему праведно» (1 Петр 2, 21-23), и молясь Господа всяческихъ, да не воздасть по правдѣ злобѣ ни за что злобствующихъ на него. И такъ какъ онъ дѣйствительно боялся похвалы людской, столько опасной для подвижниковъ благочестія, то и радовался еимъ насмѣшкамъ и сему презрѣнію, не отстраняя оныя отъ себя. Но,--но мѣръ терпѣливаго его не смотря ни на что преуспѣянія отъ силы въ силу, по мѣръ большаго углубленія его въ себя, болѣе и болѣе проявлялся духъ его, такъ что онъ удостоивался, по мѣръ его вѣры, божественныхъ откровеній и видѣній, исполнялся духомъ вѣденія и прозорливости, которыя онъ и употреблялъ съ сугубою пользою для себя и для другихъ, уединенно-безъ всякой огласки и смиренномудренно, безъ всякаго личнаго превозношенія себя, увѣщавая людей порочныхъ оставить ихъ дурную жизнь и исправиться.

Этотъ--то нищій юродивый, казавшійся простымъ и неразумнымъ, ведшій самую строгую, чистую, святую, христіанскую жизнь, добродѣтельный Андрей съ ученикомъ своимъ Епифаніемъ былъ въ числѣ молившихся на всенощной службѣ во Влахернскомъ, константинопольскомъ храмѣ въ то время. Стоя въ заднемъ углу храма, крѣпко усердно молился онъ во все время всенощнаго богослуженія о спасеніи города и царства отъ невѣрныхъ, дикихъ враговъ. И вотъ, когда среди молитвы онъ поднялъ полные сердечнаго упованія на Бога очи свои кверху, ему открылось чудесное видѣніе. Подъ сводами храма, сама пречистая Дѣва Богородица, съ архангелами и ангелами, пророками и апостолами зрѣлась молящеюся о всемъ мірѣ Сыну Своему--Богу всего міра и осѣняющею Своимъ омофоромъ молящихся въ томъ храмѣ. »Видиши ли, брате, Царицу и Госпожу всѣхъ, молящуюся о мірѣ«, воззвалъ въ священ-

номъ восторгѣ блаженный Андрей къ блаженному ученику своему Епифанію. »Вижу, отче, отвѣчалъ тотъ, вижу и ужасаюсь«.

Слухъ о чудномъ видѣніи сихъ двухъ святыхъ мужей, тотчасъ пронесся по храму, — разнесся по городу. Узнала вся страна. Всѣ исполнились радости и надежды. Духъ вѣрующихъ христіанъ ободрился. Укрѣпленные предстательствомъ и покровомъ небесной Заступницы рода христіанскаго, воюемые греки бодро пошли на облегшихъ ихъ отовсюду сарацинъ и блистательно одержали надъ ними побѣду.

Опасность отъ невѣрныхъ враговъ наконецъ миновала, и благодарные, благочестивые греки установили въ честь сего радостнаго для христіанъ явленія Божіей Матери и заступленія Ея, на все будущее время, особое празднество въ честь и славу Ея, 1-го октября—день самаго явленія и видѣнія Заступницы небесной.

И какъ вся церковность перешла въ Россію и усвоена ею отъ Греціи: то вмѣстѣ съ прочими празднествами перешло къ намъ и усвоено нами и сіе радостное празднество въ честь, память и славу Покрова Божіей Матери. И потому—то, вся православная Россія, видѣвшая притомъ на сесѣ самой, и въ исторіи своей собственной жизни благія проявленія заступленія Владычицы Богородицы, отъ конецъ до конецъ, съ самаго времени принятія ею христіанства и доселѣ свѣтло празднуетъ день сей, какъ видимое свидѣтельство о ходатайствѣ Царицы небесной за родъ христіанскій.

Такимъ образомъ постоянный праздникъ Покрова Божіей Матери торжественно и ясно 1) утверждаетъ ученіе православія объ общеніи Церкви земной—воипсвующей съ Церковію небесною—уже преславленной. Вѣрующіе христіане, живя на землѣ, до тѣхъ поръ пока живутъ на землѣ и

подвизаются, обращаясь взорами и сердцами своими къ вѣрующимъ во Христа, уже прошедшимъ сію земную жизнь, перешедшимъ въ жизнь загробную, вѣчную и увѣнчаннымъ за добрые подвиги вѣчными благами неба, молятъ ихъ о помощи себѣ, вразумленіи и направленіи къ добру и о сугубой милости Божіей;—съ своей стороны и вѣрующіе во Христа, пребывающіе въ жизни загробной, не перестаютъ помогать братіямъ своимъ во Христѣ какъ и чѣмъ можно на пользу. Потому мы и молимся святымъ, чтимъ ихъ изображенія, торжествуемъ празднества въ честь, память и славу ихъ.—2) Утверждаетъ сладостную надежду на преимущественное предстательство за насъ предъ Богомъ Матери Божіей, какъ ближайшей къ Господу Христу по матернему Ея достоинству, ближайшей и къ намъ потому же Ея матернему любвеобилію. Мать Божія видѣлась молящеся во влахернскомъ храмѣ города Константинополя, въ Греціи, но молилась за весь міръ. Въ Греціи видѣлось видѣніе, какъ для грековъ въ то время оно ближайшимъ образомъ и нужно было,—они были въ бѣдѣ и прибѣгали съ усердною мольбою къ благосердой и многомощной Заступницѣ христіанъ и Мать Божія покрывала ихъ Своимъ покровомъ; но самая молитва Ея обнимала весь міръ.—3) Настоящій праздникъ нашъ напоминаетъ намъ наше блажайшее родство съ матерію нашею греко-восточною Церковію и съ единовѣрными намъ доселѣ греками, передавшими намъ въ свое время св. христіанскую вѣру во всей чистотѣ апостольской истины.

Священникъ *Никодимъ Соколовъ*.

ДРЕВНЕ-ХРИСТИАНСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВО- ЛИЗМЪ ¹⁾).

Изъ всѣхъ сократительныхъ знаковъ, встрѣчающихся на памятникахъ древне-христіанскаго искусства, особенно употребительны и знаменательны слѣдующіе: 1) *Фигура изъ греческихъ буквъ Α и Ω* 2) *Монограмма имени Христа и Иисуса*, 3) *Крестъ*.

1. Фигура изъ буквъ ΑΩ

На христіанскихъ археологическихъ памятникахъ часто встрѣчается фигура изъ двухъ буквъ Α и Ω составляющихъ первую и послѣднюю букву греческаго алфавита. Этотъ знакъ служилъ символическимъ выраженіемъ вѣчности и божественнаго достоинства Иисуса Христа, что видно изъ книги Апокалипсиса, въ которой самъ Сынъ Божій говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь Алфа и Омега, начатокъ и конецъ, сынъ и нже бѣ, и грядый* (Апок. 1, 8—10. Сравни. 22, 13), а также изъ свидѣтельствъ Тертуліана ²⁾, св. Климента александрійскаго ³⁾, блаженнаго Іеронима ⁴⁾, Беды и св. Павліна ⁵⁾.

Символическая группа изъ буквъ Α и Ω на памятникахъ христіанскаго искусства является весьма рано, но особенно часто стали употреблять ее со времени аріанской ереси, отвергавшей догматъ о Божествѣ Иисуса Христа, чтобы защитить православное ученіе объ основній истинѣ всего христіанства, почему аріане всегда съ особенною заботливостію обходили употребленіе означенной символической фигуры. Со времени аріанской ереси означенныя мистическія буквы встрѣчаются внутри крестообразнаго сіянія вокругъ головы

¹⁾ См. № 35 — п. ²⁾ De monogam. V. ³⁾ Paedagog. VII. p. 98. Strom. I. IV. ⁴⁾ Liber. I. Contra Jovin. ⁵⁾ Poem XXXI vers. 89, 648.

Спасителя, или же группируются съ другими символическими знаками распятаго Богочеловѣка, каковы, напримѣръ, монограмма имени Христосъ, крестъ и проч.... Такимъ образомъ символическая группа изъ означенныхъ буквъ и монограммы Христовой на обыкновенномъ языкѣ говорила, что Иисусъ Христосъ есть начало и конецъ всего сущаго. Смыслъ этой группы былъ до того наглядно-выразителенъ для своего времени, что въ некоторыхъ христіанскихъ церквахъ въ древнее время ее употребляли, какъ самый удобный способъ — передать оглашеннымъ христіанское ученіе о двухъ сестествахъ въ одномъ Лицѣ Иисуса Христа, и объ искупленіи, совершенномъ на крестѣ Богочеловѣкомъ ¹⁾. Кроме того, группа изъ буквъ А Ω и монограммы очень часто изображается (на галльскихъ надгробныхъ памятникахъ) въ кругѣ, — или же въ пальмовомъ вѣницѣ, а иногда еще въ равностороннемъ треугольникѣ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ смыслъ этой группы дополняется какъ нельзя лучше: такъ какъ кругъ пробуждаетъ мысль о безконечности, вѣчности, а пальмовый вѣнчикъ указываетъ на побѣдоносное значеніе имени Христова, равносторонній же треугольникъ — на единосущіе и равночестіе трехъ лицъ Святой Троицы, когда онъ употребляется въ приложеніи къ Божеству ²⁾ и въ данномъ случаѣ вмѣстѣ съ монограммой Христовой и апокалипсическими буквами очень наглядно говорить, что *Христосъ самъ начало и конецъ всего сущаго, единый отъ Святыя Троицы* ³⁾.

2. Монограмма Христова имени.

Монограммой вообще называется имя, написанное по сокращенію. Обычай употребленія такого рода монограммъ

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par M. Martigny - 1865. pag. 420. ²⁾ Душенпол. Чтен. 1867. Сент. Изв. и зам. стр. 2.

³⁾ Martigny, pag. 641. l'art. triangle.

идеть еще изъ языческой древности, и усвоенъ первенствующими христіанами, какъ самый удобный случай для прикровеннаго начертанія спасительнаго имени Христосъ и Іисусъ тѣмъ болѣе, что форма нѣкоторыхъ монограммъ на языческихъ памятникахъ представляла весьма благопріятныя условія для выраженія имени Христова, какова, напримѣръ, монограмма на большой медали Траяна Деція, по своему виду совершенно тождественная съ монограммой Христова имени, такъ какъ она содержала двѣ начальные буквы греческаго имени Христосъ ¹⁾). Впрочемъ, такъ какъ ожесточеніе язычниковъ противъ христіанъ и происходившая отсюда опасность поруганія священныхъ предметовъ вѣры въ наибольшей силѣ были въ первое время, а потомъ мало по малу ослабѣвали, — значитъ и потребность болѣе прикровеннаго выраженія христіанскихъ истинъ и предметовъ вѣры была настоятельнѣе также въ началѣ, и менѣе необходимою становилась только съ теченіемъ времени: то и — символическій знакъ столь драгоцѣннаго для каждаго христіанина имени Христова въ своемъ наружномъ видѣ потерпѣлъ нѣсколько измѣненій.

Самою сокращенною и самою древнею монограммой имени Христова, какая только употреблялась вѣрующими въ первое время, была буква Х ²⁾). Кромѣ свидѣтельства о ней самихъ памятниковъ христіанскаго искусства мы имѣемъ еще свидѣтельство императора Юліана, который, говоря о своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ христіанъ, сказалъ, что онъ велъ войну противъ Х. Кромѣ того на оборотной сторонѣ нѣкоторыхъ императорскихъ медалей, со времени Валентиніана, отца Валентова, на полотнѣ знамени буква Х часто замѣняетъ монограмму, такъ называемой,

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par M. Martigny. 1865 pag. 416 l'art. Monogramme du Christ ²⁾ Ibidem. pag. 415.

Константиновской формы, особенно распространившейся со времени Константина великого, по повелѣнію котораго она была утверждена на государственномъ знамени ¹⁾, почему и называется археологами, по имени императора, Константиновскою. Эта новая форма монограммы Христовой разомъ представляла и имя Христа и образъ Его креста: такъ какъ состояла изъ первыхъ двухъ буквъ греческаго имени христосъ, именно X и P, соединенныхъ между собою такъ, что буква P пересѣкала лежащую бокомъ первую букву X по срединѣ и перпендикулярно въ такомъ видѣ: ✠. Около половины IV вѣка (347 г.) эта форма монограммы Христовой претерпѣваетъ легкое измѣненіе отъ проведенія горизонтальной линіи по самой срединѣ ея въ точкѣ пересѣченія двухъ буквъ: ✠. Далѣе, начиная съ 355 г. замѣчается новое измѣненіе, буква X совершенно исчезаетъ и остается одна буква P съ простою поперечною чертою по срединѣ: P. Последняя форма монограммы Христовой, по сходству ея съ начертаніемъ креста, извѣстна у археологовъ подъ названіемъ крестообразной, или монограмматическаго креста. Св. Ефремъ, жившій въ IV вѣкѣ, свидѣтельствуетъ, что эта форма монограммы Христовой была въ весьма большомъ употребленіи на Востокѣ и единственною въ Египтѣ ²⁾, а также и въ Библіяхъ Александрійскихъ, каковы, на примѣръ Библія Ватиканская, Библія Синайская, недавно изданная Тишендорфомъ и Библія Кембриджская ³⁾. Въ V

¹⁾ Dictionnaire des antiquités, par. Martigny. 1865. pag. 419 - Euseb. de vita Constan. 1. I. c. 31. ²⁾ Dictionnaire... Martigny, pag. 414. ³⁾ Dictionnaire... Martigny, pag. 414. Замѣтимъ здѣсь, что послѣднія двѣ формы монограммы Христовой хотя самыя употребительныя, тѣмъ не менѣе не единственныя, — памятники христіанскаго искусства, по крайней мѣрѣ, на западѣ представляютъ безчисленное множество другихъ формъ, которыя всѣ воспроизведены

вѣкъ исчезаетъ въ начертаніи монограммы Христовой и послѣдняя буква Р, остается открытый четвероконечный крестъ , который, наконецъ, и замѣняетъ монограмму Христову въ собственномъ смыслѣ во всѣхъ случаяхъ ея употребленія ¹⁾.

Всматриваясь въ ходъ послѣдовательныхъ измѣненій въ наружномъ начертаніи монограммы Христовой, мы видимъ, что она постепенно приближается и наконецъ совершенно превращается въ открытый четвероконечный крестъ. Отсюда необходимо является предположеніе, что крестъ Христовъ и монограмма имени Христа имѣютъ значеніе тождественное. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ того, что буква Х въ монограммѣ Христовой уклоняется отъ своего естественнаго начертанія, напоминая скорѣе собою изображеніе креста, на памятникахъ христіанскаго искусства монограма Христова предшествуется иногда такими именами ²⁾, которыя только свойственны кресту Христову, каковы, напримѣръ, названія—*знаменіе Господне, знаменіе Христово* (*signum Dei, signum Christi*), а у церковныхъ писателей она называется *знаменіемъ небеснымъ, знаменіемъ спасительнаго призванія* ³⁾. Блаженный Іеронимъ въ монограммѣ Х видитъ также образъ креста ⁴⁾, а христіанскій поэтъ Пруденцій прямо называетъ крестомъ монограмму, которую Константинъ великій велѣлъ начертать на воинскихъ знаменахъ и щитахъ. Св. Павлинъ, епископъ нольскій положительно говоритъ о двоякомъ изображеніи креста, въ видѣ мачты съ натянутыми реями, и въ видѣ монограммы Христова имени ⁵⁾. Наконецъ, въ пользу тождества креста съ предшествовав-

въ археологическихъ трудахъ Больдетти, Макаріуса и въ специальныхъ трактатахъ объ этомъ предметѣ археологовъ Аллегранца и Жюрген. ¹⁾ Spicil. t. IV, 529-531. ²⁾ Spicil. t. IV, 521. Dictionnaire... Martigny, pag. 417 ³⁾ Euseb. de vita Constant. c. XXXI. Binterim. B. II. th. I. 331. 338. ⁴⁾ In Hierem cap. XXX. ⁵⁾ Spicil. I. IV. 534-535

шими ему монограммами мы имѣемъ новое и рѣшительное свидѣтельство въ памятникѣ, недавно изданномъ, — мы разумѣемъ греческую біблію Синайской горы, въ которой монограмма Христова имени въ формѣ изображена въ четырехъ мѣстахъ: въ концѣ пророчества Тереміи, два раза въ концѣ пророчества Исаіи, и, что всего убѣдительнѣе, въ срединѣ слова *ἐσταυρωμένος* въ 8 стихѣ второй главы Апокалипсиса, гдѣ сказано: *глаголетъ первый и послѣдній* (т. е. Иисусъ Христосъ, Который есть *Α* и *Ω*), *иже бысть мертвъ* (т. е. распятъ на крестѣ *ἐσταυρωμένος*), *и се живъ есть* ¹⁾. Это самое оправдывается и обширнѣйшимъ употребленіемъ монограммы Христовой на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ до тѣхъ поръ, пока открыто могъ явиться настоящій крестъ Христовъ....

Что же касается до начала, или происхожденія монограммы Христовой: то памятники христіанскаго искусства свидѣлствуютъ, что монограмма Христова появилась весьма рано ²⁾, но особенно распространилась со времени Константина великаго, когда она вошла во всеобщее употребленіе и въ общественномъ, и въ церковномъ, и частномъ быту христіанъ. Такъ, Константинъ великій велѣлъ изобразить монограмму Христову на государственномъ знамени и перестроить по образцу послѣдняго всѣ воинскія знамена. Прежде у язычниковъ на римскихъ воинскихъ знаменахъ изображался драконъ, а теперь Константинъ великій приказалъ утвердить на нихъ монограмму Христову, — въ

¹⁾ Dictionnaire. Martigny. pag. 416. De Rossi, Bullet. 1863. pag. 62. ²⁾ Многие археологи относятъ начало монограммы Христовой даже ко временамъ апостольскимъ и утверждаютъ, что она впервые появилась на востокѣ, когда вѣрующіе въ первый разъ стали носить имя христіанъ; этимъ объясняется, почему она состояла изъ буквъ греческихъ, а не латинскихъ.

такомъ положеніи, чтобы конецъ ея вонзился въ чрево языческаго дракона—съ цѣлію показать такимъ образомъ, что общественный миръ есть слѣдствіе низложенія и разрушенія власти древняго змія побѣдоноснымъ знаменемъ Христа Спасителя. Затѣмъ Константинъ великій приказалъ гравировать монограмму Христову на щитахъ, каскахъ и на латахъ своихъ солдатъ, и—самъ носилъ означенные военные доспѣхи съ изображеніемъ такой же монограммы, что можно видѣть изъ многочисленныхъ изображеній его на медаляхъ. Кромѣ того, тотъ же императоръ замѣнилъ позорный и варварскій обычай наложенія клейма на лобъ бѣглыхъ рабовъ ношеніемъ на шеѣ металлической бляхи съ выгравированною на ней монограммой Христовой,—съ цѣлію внушить рабамъ, что они облегченіемъ своей участи обязаны этому спасительному имени....

Что же касается до употребленія монограммы Христовой на древне—христіанскихъ религіозныхъ памятникахъ: то въ этомъ случаѣ выгравированная на дощечкѣ она ставилась на крышѣ церквей и крещаленъ, а также изображалась на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ храмовъ, особенно въ мозаикахъ, украшавшихъ абсиды, или переднюю часть храма въ алтарѣ,—или же триумфальную арку на фронтонѣ храма, какъ, напримѣръ, въ мозаикахъ въ церкви мучениковъ Космы и Даміана въ Римѣ и мученицы Плацидіи въ Равеннѣ, или же на капителяхъ колоннъ и на церковной завѣсѣ¹⁾. Особенно на надгробныхъ камняхъ монограмма Христова является неотъемлемою принадлежностію и замѣняетъ собою прежнія языческія монограммы D. M. S. словъ: Dis Manibus Sacrum (жертва семейнымъ богамъ). Кромѣ того, монограмма Христова изображалась на христіанскихъ надгробныхъ лампахъ и большею

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chretiennes, par l'abbé Martigny pag. 417. l'art. Monogramme du Christ.

частію въ соединеніи съ другими символическими знаками, каковы, напримѣръ, пальма, вѣнецъ, агнецъ, рыба, голубь, фигура изъ греческихъ буквъ А Ω, пастухъ и проч..., а также на днѣ стеклянныхъ сосудовъ первыхъ вѣковъ христіанства, найденныхъ въ римскихъ и другихъ каткомбахъ, то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими изображеніями, какъ, напримѣръ, между апостолами Петромъ и Павломъ на колоннѣ, служившей для первыхъ христіанъ символомъ Церкви, а иногда между двумя звѣздами подлѣ Спасителя, иногда же между двумя супругами, узы которыхъ она освящала, или, наконецъ, позади головы святаго, какъ, напримѣръ, позади головы св. Лаврентія, и служила вмѣсто сіянія (нимба) съ цѣлію показать, что Іисусъ Христосъ хранитъ святыхъ своихъ и обитаетъ въ сердцахъ ихъ.

Далѣе, монограмма Христова употреблялась и въ частной жизни первенствующихъ христіанъ. По свидѣтельству св. Златоустаго и св. Кирилла александрійскаго первые вѣрующіе имѣли обычай изображать монограмму Христову на своихъ жилищахъ. На востокѣ этотъ обычай недавно былъ провѣренъ учеными изслѣдованіями графа Мельхіора Вогэ. Во многихъ городахъ Сиріи, разрушенныхъ, вѣроятно, со времени мусульманскаго вторженія, означенный ученый нашелъ рѣзное начертаніе монограммы на воротахъ домовъ. Юліанъ свидѣтельствуешь, что онъ самъ видѣлъ монограмму Христову (X) на общественныхъ зданіяхъ Антиохіи. Точно также христіане очень рано стали изображать монограмму Христову на кольцахъ, на печатяхъ, на мебели и прочей домашней утвари, — на шейныхъ медальонахъ, на энколпіяхъ, или небольшихъ ящичкахъ, содержащихъ въ себѣ или часть древа креста Христова, или часть св. мощей, или книгу евангелій, которая въ древности имѣли обыкновеніе носить на шеѣ особенно христіанскія женщины и дѣти ¹⁾).

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chretiennes, par Martigny, pag. 29, 233. 418.

Наконецъ, епископы имѣли обыкновеніе изображать монограмму Христову въ началѣ своихъ общительныхъ писемъ, извѣстныхъ подъ именемъ *litterae formalae* и *litterae pacificae*. Вѣроятно, на это именно обыкновеніе намекаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, когда говоритъ: »въ началѣ нашихъ писемъ мы поставляемъ имя Господа«¹⁾. Позднѣе знакъ монограммы Христовой изображался на ученыхъ дипломахъ, а теперь удержался только въ частной перепискѣ археологовъ²⁾.

Столь обширное употребленіе монограммы Христовой на археологическихъ памятникахъ ясно свидѣтельствуетъ, что она не составляла простаго украшенія на нихъ. Напротивъ, принимая во вниманіе съ одной стороны то, что по указанію тѣхъ же археологическихъ памятниковъ, во все продолженіе господствующаго употребленія на нихъ монограммы Христовой, не видно открытаго изображенія креста Христова, — съ другой то, что послѣ открытаго изображенія четвероконечнаго креста Христова исчезаетъ на нихъ знакъ монограммы Христовой, мы имѣемъ основаніе заключать, что послѣдняя служила прибревною формою для перваго. Въ то время, когда христіане должны были тщательно скрывать каждый предметъ, указывавшій на слѣдъ ихъ, когда открытое почитаніе креста Христова, казавшееся язычникамъ крайнимъ безуміемъ, дававшее имъ поводъ издѣваться надъ столь драгоценнымъ для вѣрующихъ предметомъ, придумывать для нихъ позорныя имена и сочинять на нихъ каррикатуры, было совершенно невозможно, первенствующіе христіане для оживленія своей вѣры и упованія принуждены были прибѣгнуть къ какому нибудь мистическому знаку, который могъ бы служить для нихъ вмѣсто спасительнаго знамени креста Христова. Такимъ знакомъ и послужила моно-

¹⁾ Homil. X. In. Epist. ad. Coloss. IV. ²⁾ Dictionnaire... Martigny, pag. 419.

грамма Христова имени въ различныхъ начертаніяхъ своихъ до тѣхъ поръ, пока не стало возможнымъ открыто изображать четвероконечный крестъ Христовъ, и, какъ скоро эта возможность явилась, монограмма уже не встрѣчается на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ, уступивъ свое мѣсто кресту.

Но, кромѣ монограммы имени Христосъ, на древне-христіанскихъ археологическихъ памятникахъ встрѣчается, хотя рѣдко, и сокращенное начертаніе имени Іисусъ, что видно изъ свидѣтельства Климента александрійскаго, писателя II вѣка ¹⁾. Монограмма этого рода или состояла изъ одной первой буквы греческаго имени Іисусъ именно: Ι ²⁾, или изъ двухъ первыхъ буквъ ΙΗ ³⁾, а иногда изъ трехъ ⁴⁾. Монограмма имени Іисусъ заимствована на западѣ отъ грековъ, у которыхъ, однако, преобладалъ обычай начертанія ея въ такомъ видѣ: ΙC. Начиная съ VI вѣка и въ средніе вѣка стали соединять вмѣстѣ монограммы полнаго имени Іисусъ Христосъ, но безъ всякихъ символическихъ цѣлей, ради простаго сокращенія именъ, что продолжается и доселѣ въ церковной практикѣ и церковномъ искусствѣ....

3. Крестъ.

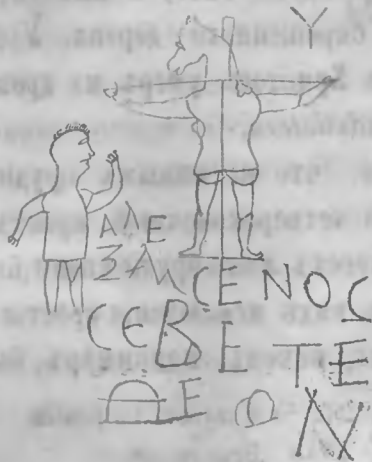
Археологи различаютъ три главные формы креста, какія встрѣчаются на памятникахъ христіанскаго искусства.

Во 1-хъ крестъ въ видѣ буквы X (называемый археологами *decussatus*, что значитъ: расположенный крестъ на подобіе буквы X), обыкновенно извѣстный подъ именемъ креста св. Андрея, потому что преданіе говоритъ, что именно на такомъ крестѣ былъ распятъ апостолъ Андрей.

Во 2-хъ крестѣ, походившій на греческую букву T (называемый археологами *commissus*, или *patibulatus*), и упо-

¹⁾ Paedagog. I. II. c. 4. ²⁾ Dictionnaire.... Martigny, pag. 39. Paedag. I. II. c. 4. ³⁾ Spicil. t. III. 577. ⁴⁾ Cahier, Caracter. des Saints, t. II. 673.

треблявшійся язычниками въ значеніи символа жизни, блаженства и спасенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и это обстоятельство не мало содѣйствовало къ тому, чтобы христіане усвоили этотъ знакъ на своихъ памятникахъ, какъ символъ истиннаго спасенія,—главнымъ же и существеннымъ основаніемъ принятія этой формы креста христіанами первыхъ вѣковъ служило преданіе, что именно таковъ былъ крестъ, на которомъ умеръ Спаситель. Такъ, древніе писатели, напримѣръ, св. Павлинъ, крестъ Спасителя часто обозначаютъ именемъ греческой буквы **Τ**. Это преданіе получаетъ большую вѣроятность въ виду одного древняго и очень интереснаго памятника, недавно открытаго и относящагося къ III вѣку. Это каррикатура, начерченная на стѣнкѣ дворца цезарей на холмѣ Палатинскомъ рукою язычника съ цѣлію поруганія и осмѣянія того поклоненія, которое христіане воздавали кресту и распятому на немъ Богу. Каррикатура представляетъ человѣка съ ослиной головой распятаго на крестѣ, который по своему виду почти совершенно подобенъ греческой буквѣ **Τ** и различается отъ нея только тѣмъ, что въ срединѣ верхней перекладины воткнутъ пруть для поддержанія титула. Подлѣ креста изображенъ человѣкъ въ положеніи молящагося, а внизу подпись: **ΑΛΕΞΑΜΕΝΟΣ ΣΕΒΕΤΕ ΘΕΟΝ**. »Алексаменъ молится Богу¹⁾«. Вотъ рисунокъ съ этого очень рѣдкаго памятника.

¹⁾ Dictionnaire. .. Martigny, pag. 96.

Кресты въ формѣ греческой буквы **Т** употреблялись на древнихъ христіанскихъ гробницахъ или отдѣльно, или между мистическими буквами **Α Ω**, или въ срединѣ имени умершаго въ надгробныхъ надписяхъ. Такой же крестъ носилъ на своей мантии св. Антоній великій.

Третья форма креста, находившаяся во всеобщемъ употребленіи и единственная, которая сохранилась до настоящаго времени, какъ въ частномъ быту вѣрующихъ, такъ и въ общественномъ богослуженіи: это крестъ четвероконечный **—+—**. Археологи согласно утверждаютъ, что орудіемъ нашего искупленія былъ крестъ именно такой, а не другой формы, и ссылаются въ этомъ случаѣ на безчисленные свидѣтельства объ этомъ крестѣ отцевъ Церкви. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ этихъ свидѣтельствъ. Такъ св. Ириней описываетъ подлинный крестъ Христовъ такимъ образомъ: *Habitus, fines, et summitates habet quinque; duas in longitudine, duas in latitudine, unam in medio* ¹⁾. Еще яснѣе говоритъ блаженный Августинъ: *Erat, говоритъ онъ, latitudo, in qua porrectae sunt manus: longitudo a terra surgens, in qua erat corpus infixum; altitudo ab illo divexo ligno sursum quod eminet* ²⁾, т. е. въ крестѣ была — ширина, по которой простерты были руки, — длина, восходившая отъ земли, къ которой было пригвождено тѣло, и высота, которая господствовала вверху скрещеннаго дерева. У другихъ писателей говорится, что Христосъ умеръ на древѣ четвероконечномъ, *in ligno quadrilatero, εἰς ὃς τετραπλευρὸν* ³⁾, и проч.... Итакъ несомнѣнно, что истиннымъ орудіемъ нашего спасенія былъ именно четвероконечный крестъ.

Въ древности крестъ, какъ орудіе казни, былъ вообще невысокъ. Впрочемъ, въ видѣ исключенія кресты дѣлались иногда и огромной высоты, каковъ, напримѣръ, былъ крестъ Мар-

¹⁾ Liber. II. c. 24. ²⁾ Enarrat. in psalm. CIII. ³⁾ Lipsius. De cruce libri tres.... 1540. Brunswigae.

дохей, имѣвшій 50 локтей высоты (2 Цар 21, 10. Есфир. 6, 7) ¹⁾. По свидѣтельству Светонія, Гальба велѣлъ повѣсить нѣкоторыхъ преступниковъ также на крестахъ весьма высокихъ. Отсюда очень вѣроятно, что крестъ Спасителя, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые изъ отцевъ Церкви, особенно св. Іоаннъ Златоустъ, былъ выше, чѣмъ кресты простыхъ разбойниковъ ²⁾. И мы видимъ, что христіанскіе художники, въ изображеніи креста Христова, постоянно соотношались съ этимъ преданіемъ.

Какъ бы то, однако, ни было, но съ самаго начала христіанства вѣрующіе исповѣдовали глубочайшее уваженіе ко кресту Христову и воздавали ему истинное религіозное поклоненіе. Знаменіемъ креста Христова они ограждали себя постоянно, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, даже самыхъ маловажныхъ. Такъ, по свидѣтельству Тертулліана, христіане знаменовали себя крестомъ, когда вставали съ постели, когда одѣвались и обувались, когда выходили изъ дому и входили въ него, когда садились за столъ и зажигали лампы, когда мылись въ банѣ, когда зѣвали ³⁾ и проч., такъ что крестное знаменіе было самымъ первымъ и неопровержимымъ доказательствомъ званія христіанина въ глазахъ язычниковъ. »Я знаю, что они христіане, говорилъ одинъ язычникъ о св. Наркисѣ и его діаконѣ, потому что они постоянно осѣняли свое чело знаменіемъ креста«. Но особенно крестное знаменіе употреблялось, отъ самыхъ временъ апостольскихъ, при христіанскомъ богослуженіи, и преимущественно при совершеніи таинствъ, напримѣръ, миропомазанія, крещенія, евхаристіи и проч..., такъ что, по выраженію блаженнаго Августина, не можетъ совершиться обряда безъ крестнаго знаменія.

При такомъ значеніи и употребленіи крестнаго знаме-

¹⁾ Euseb. Histor. eccles. V. 20. ²⁾ Homil. V. Jn. Cap. I. Epist. I. ad Corinth. ³⁾ De corona milit. III. Martigny, pag. 188.

нія христіанами первенствующей Церкви, само собою представляется вопросъ: съ какого времени христіане стали дѣлать вещественныя представленія его, — какъ рано стали изображать четвероконечный крестъ Христовъ? — Здѣсь надобно непремѣнно различать предметы домашніе и немассивные, которые во всякое время удобно было скрыть отъ глазъ язычниковъ, не подвергая опасности поруганія священныхъ знаговъ, на нихъ изображенныхъ, таковы, напримѣръ, были ковчежцы съ мощами, лампадки и разныя драгоценныя вещи, — и — потомъ памятники общественные, религіозные. Что касается до первыхъ: то весьма трудно предположить, чтобы первенствующіе христіане удержались отъ начертанія на нихъ образа креста Христова, столь дорогаго для ихъ сердца и вѣры, столь общеупотребительнаго и необходимаго въ обрядахъ общественного богослуженія и въ частной благочестивой жизни каждаго. И дѣйствительно, есть нѣсколько перстневыхъ камней съ выгравированнымъ на нихъ знакомъ креста, которые по стилю своему относятся ко времени весьма древнему ¹⁾. Археологъ Мамахи утверждаетъ даже (хотя безъ доказательствъ), что еще во времена императора Септимія Севера богатые христіане носили кольца съ изображеніемъ на нихъ креста Христова ²⁾. Въ дѣяніяхъ II-го никейскаго собора мы находимъ также свидѣтельство о мученикѣ Прокопѣ, пострадавшемъ въ началѣ IV вѣка при императорѣ Діоклетіанѣ, что онъ носилъ на шеѣ крестъ на половину изъ золота, на половину изъ серебра. Тоже рассказывается о христіанскомъ солдатѣ Оре-стѣ, жившемъ при томъ же императорѣ ³⁾. Но на памятникахъ общественныхъ, религіозныхъ, открытый четвероконечный крестъ Христовъ является не раньше V вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Таковъ результатъ додговременныхъ

¹⁾ Dictionnaire. . Martigny, pag. 185 ²⁾ Ibidem. ³⁾ Liber VII. c. 15. — Martigny, pag. 185.

ученыхъ розысканій римскаго археолога Де-Росси, авторитетъ котораго въ этомъ дѣлѣ непреложенъ. Что же касается до изображеній тѣхъ крестовъ, которые очень часто попадаются въ катакомбахъ, то все они, по свидѣтельству Росси, начертаны во времена уже позднѣйшія рукою набожныхъ поклонниковъ, явившихся въ эти священные склепы помолиться на гробахъ мучениковъ ¹⁾. Впрочемъ, катакомбы въ этомъ отношеніи еще не сказали своего послѣдняго слова, и особенно кладбища св. Каллиста, въ которыхъ есть много вещей неизслѣдованныхъ, и скрывается, можетъ быть, немало неизвѣстныхъ выводовъ, которые прольютъ много свѣта на этотъ предметъ тѣмъ болѣе, что изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей мы знаемъ, что были примѣры изображеній креста еще во времена Константина великаго; такъ, извѣстно, что этотъ императоръ приказалъ изобразить крестъ на потолкѣ въ главной залѣ своего константинопольскаго дворца и украсить его драгоценными камнями ²⁾.... Теперь же пока подъ руками археологовъ находится одинъ памятникъ, относящійся ко времени 370 года, представляющій единственный примѣръ начертанія креста въ видѣ греческой буквы Т ³⁾. Съ древнимъ употребленіемъ креста въ этой формѣ на христіанскихъ памятникахъ согласно также письменное свидѣтельство Зенона Веронскаго, вступившаго на епископскую кафедру 362 года, что онъ на куполѣ выстроенной имъ церкви поставилъ крестъ въ видѣ греческой буквы Т: *in modum tau litterae prominens lignum* ⁴⁾. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что при разсужденіи о времени появленія на христіанскихъ памятникахъ креста въ собственномъ смыслѣ немало ошибокъ можетъ произойти отъ того обстоятельства, что у древнихъ писателей часто именемъ креста означается самая

¹⁾ Dictionnaire... Martigny, pag. 185-186. ²⁾ Euseb. de vita Constant t. III. c. 49. ³⁾ Dictionnaire... Martigny, pag. 185. ⁴⁾ Ibidem

монограмма имени Христова, какъ мы видѣли это выше. Слѣдовательно требуется большая осторожность для того, чтобы въ различныхъ названіяхъ не видѣть двухъ различныхъ предметовъ. Притомъ, назначая V вѣкъ временемъ перваго появленія на памятникахъ христіанскаго искусства креста въ собственномъ смыслѣ, знаменитый римскій археологъ Росси имѣетъ въ виду только западную церковь, — на востокѣ же крестъ появился вѣкомъ раньше; такъ, напримеръ, обычай носить четвероконечный крестъ на шеѣ, а равно при религиозныхъ процессіяхъ былъ уже въ общемъ употребленіи во времена Іоанна Златоустаго, жившаго въ IV вѣкѣ. Но съ какого бы времени ни сталъ употребляться крестъ въ собственномъ смыслѣ, мы видимъ, что его изображали на царственныхъ вѣнцахъ, какъ показываютъ это портреты Валентиніана III и его супруги Лициніи Евдокіи, отлитые на ихъ медаляхъ ¹⁾, — на диптихахъ и консусьскихъ скинпетрахъ (съ VI в.), на надгробныхъ камняхъ и особенно на гробницахъ мучениковъ за вѣру съ цѣлю показать этимъ священнымъ знакомъ, что покоящіеся подъ нимъ, каковъ бы ни былъ родъ ихъ смерти, всѣ пострадали изъ любви ко кресту и распятому на немъ Богочеловѣку ²⁾. Вообще надобно сказать, что первенствующіе христіане желали имѣть изображеніе креста повсюду. Первые вѣрующіе изображали крестъ на предметахъ домашнихъ, на вѣсахъ, сосудахъ, одеждахъ ³⁾, на дверяхъ, окнахъ, стѣнахъ и столбахъ своихъ домовъ ⁴⁾. Юліанъ вѣроотступникъ упрекалъ св. Кирилла Александрійскаго за этотъ обычай, какъ за дѣло идолослуженія, но св. Кириллъ объяснилъ ему истинный смыслъ этихъ изображеній ⁵⁾. Относительно востока ученый Мельхіоръ Вогэ не давно открылъ

¹⁾ Dictionnaire.... Martigny, pag. 186. ²⁾ Ibidem. ³⁾ Dictionnaire Martigny, pag. 187. ⁴⁾ Ruffin. Hist. eccles. I. II. 26. ⁵⁾ Contra Julian. I. VI p 196. Lips.

самое рѣшительное оправданіе столь обширнаго употребленія креста Христова въ первенствующей Церкви. Онъ говоритъ, что во многихъ городахъ Сиріи, разрушенныхъ со времени мусульманскаго вторженія, онъ повсюду на воротахъ и другихъ частяхъ домовъ, кромѣ монограммы Христовой, встрѣчалъ и крестъ въ собственномъ смыслѣ ¹⁾. Наконецъ кресты ставили на корабляхъ, чтобы показать, что вся судьба счастливаго плаванія зависитъ отъ этого высочайшаго знаменія побѣды и покрова для христіанъ, какъ свидѣтельствуеть объ этомъ св. Павлинъ въ одномъ своемъ сочиненіи, написанномъ имъ по случаю отъѣзда епископа дакійскаго изъ Италіи въ свое отечество.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о крестахъ, такъ называемыхъ, процессіональныхъ, употреблявшихся въ первенствующей Церкви Христовой. Такъ назывались въ древности кресты, которые носили въ религіозныхъ процессіяхъ въ той церкви, въ которой въ извѣстные дни назначалось совершеніе святыхъ Таинъ. Крестъ этотъ несли впереди процессіи, — діаконъ или другой клирикъ, несшій его, назывался въ Римѣ драконаріемъ подобно тому, какъ въ арміяхъ такимъ именемъ назывался солдатъ, носившій военныя знамена, на которыхъ обыкновенно представлялось изображеніе дракона. Когда Константинъ великій замѣнилъ изображеніе дракона высочайшимъ знаменемъ креста, явившагося ему въ чудесномъ видѣніи, знаменоносецъ не перемѣнилъ своего имени и продолжалъ называться драконаріемъ; отсюда, съ вѣроятностію можно заключить, что въ началѣ церковный драконарій носилъ не крестъ въ собственномъ смыслѣ, но Константиновское знамя, которое отъ утвержденія на немъ монограммы Христова имени получило характеръ чисто-священный. Впрочемъ, вскорѣ эти священные знамена измѣни-

¹⁾ Dictionnaire ... Martigny. pag. 418.

лись, превратившись въ открытый четвероконечный крестъ, который обыкновенно былъ украшенъ цвѣтами, а на перекладинѣ его утверждали два подсвѣчника съ свѣчами, зажигавшимися во время процессіи, внизу же перекладины на металлическихъ цѣпочкахъ привѣшивались мистическія буквы А и Ω ¹⁾). Для образчика мы представляемъ здѣсь рисунокъ съ одного очень рѣдкаго патятипка.

Въ позднѣйшее время эти кресты украшались еще съ большими великолѣпіемъ и имѣли изображенія разныхъ сценъ и событій изъ ветхаго завета, служившихъ прообразами событій новозавѣтныхъ, — но эти памятники по времени уже выходятъ изъ предѣловъ нашего обозрѣнія христіанскихъ археологическихкихъ памятниковъ.

¹⁾ Socrat. Histor. eccles. VI. 8.-Dictionnaire.... Martigny, p. 187.

НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПОСОБІЕ ПРИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ ЗАКОНА БОЖІЯ.

IV.

(Окончаніе ¹⁾).

Записки по предмету Закона Божія. Составлены для технической и пиротехнической школъ артиллерійскаго вѣдомства-- протоіереемъ І Заркевичемъ. С. Петербургъ. 1870 г. ²⁾.

Эта книга представляетъ также попытку совмѣстнаго изложенія всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ закона Божія. Въ ней есть и священная исторія ветхаго и новаго завета, и катихизисъ, и изъясненіе богослуженія православной Церкви, и все это изложено не въ принятомъ порядкѣ подъ четырьмя рубриками, а въ двухъ отдѣлахъ,—именно: въ *первомъ* священная исторія ветхаго и новаго завета въ связи съ изъясненіемъ катихизическихъ понятій, а во *второмъ* изъясненіе богослуженія съ переводомъ на русскій языкъ общепотребительныхъ молитвъ. И здѣсь также, какъ въ «Начальномъ наставленіи въ православной христіанской вѣрѣ» въ связи съ историческимъ разсказомъ или излагается ученіе догматическое и нравственное, или изъясняются молитвы и пр., смотря потому что естественно вытекаетъ изъ разсказаннаго факта. Такъ напримѣръ, разсказывая о *сотвореніи міра*, авторъ естественно переходитъ къ раскрытію догматическаго ученія о промыслѣ Божіемъ и къ разъясненію нравственныхъ вопросовъ въ родѣ слѣдующихъ: что требуется для того, чтобы воспользоваться данными отъ Бога средствами къ достиженію блаженства вѣчнаго (стр. 10); разсказывая о *жизни первыхъ людей*

¹⁾ См. № 38-й. ²⁾ Продается у книгопродавцевъ Кораблева и Спрякова въ С. Петербургѣ (по Садовой улицѣ противъ гостиннаго двора близъ Невскаго проспекта въ домѣ Ильина). Цѣна 1 руб.

авторъ переходитъ къ размышленіямъ по поводу слѣдующихъ вопросовъ: что нужно дѣлать, чтобы избѣгать грѣховъ, какъ проводить праздники Господни (стр. 14); послѣ разсказа »о крещеніи Іисуса Христа отъ Іоанна«, онъ уясняетъ такіе вопросы, какъ: »почему въ ветхомъ завѣтѣ съ ясностію не открыто было о Святой Троицѣ, въ чемъ состоитъ точное ученіе о Святой Троицѣ, для чего крестился Іисусъ Христосъ« (стр. 60. 61). При разсказѣ о томъ, какъ Господь научилъ своихъ учениковъ молиться, предлагается изъясненіе »молитвы Господней« и размышленія по поводу слѣдующихъ вопросовъ: о чемъ вообще научаетъ насъ молиться молитва Господня и отъ чего зависитъ успѣхъ молитвы (стр. 78); въ связи съ разсказомъ »объ учрежденіи церковной іерархіи« авторъ, предлагая рѣшеніе вопросовъ, о чемъ заботились пастыри Церкви по отношенію къ вѣрѣ съ самаго начала христіанства, когда и для чего составленъ символъ вѣры, на сколько членовъ дѣлится онъ, предлагаетъ и краткое объясненіе символа вѣры (стр. 103). Иногда къ дѣлу-сообщаются общія понятія о богослуженіи церковномъ; напримѣръ послѣ разсказа »объ установленіи таинства причащенія тѣла и крови Христовой« авторъ предлагаетъ краткія и общія свѣденія о литургіи или обѣднѣ (стр. 86). Однимъ словомъ-постановка дѣла почти такая же, какъ въ вышерассмотрѣнной нами книгѣ. Мысль, руководившая авторомъ при распредѣленіи предметовъ закона Божія, хороша, но его книга не можетъ стать въ уровень съ книгою о. Соболева ни по своему изложенію, ни по внѣшнимъ условіямъ, какія необходимо требуются отъ учебной книги.

Изложеніе дѣла въ книгѣ о. Заркевича подробное и обстоятельное; всѣ предметы, входящіе въ составъ закона Божія, рассмотрѣны полно, и особенно обстоятеленъ второй отдѣлъ, гдѣ предложено изъясненіе богослуженія съ перево-

домъ на русскій языкъ общеупотребительныхъ молитвъ; но въ частностяхъ, если разсматривать дѣло ближе и внимательно, больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. И во *первыхъ*, не въ мѣру сокращенъ конецъ ветхозавѣтной исторіи; напримѣръ исторіи о судіяхъ, о царяхъ авторъ посвятилъ только три страницы (стр. 40. 41. 42), о пророкахъ сказалъ въ нѣсколькихъ строкахъ (стр. 48), и вообще послѣ временъ Моисея событія ветхозавѣтныя представлены только въ общемъ очеркѣ. Да и въ исторіи до временъ Моисея опущены такія подробности, которыя, сколько извѣстно изъ опыта, весьма интересуютъ дѣтей; напримѣръ, рассказывая объ Исаакѣ, авторъ упоминаетъ, что, «по устроенію Божию, Исаакъ, будучи въ старости уже слѣпъ, принявъ Іакова за Исава и преподалъ благословеніе достойнѣйшему» (стр. 27), а какъ все это было, авторъ умолчалъ. Авторъ въ предисловіи замѣчаетъ, что онъ сократилъ вторую половину ветхозавѣтной исторіи съ одной стороны для сокращенія объема руководства, а съ другой—для того, чтобы дать болѣе мѣста событіямъ новозавѣтной исторіи, такъ какъ для пониманія событій новозавѣтныхъ достаточно краткаго указанія хода событій исторіи еврейскаго народа. Но, соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что о новозавѣтныхъ событіяхъ слѣдуетъ говорить подробнѣе и больше чѣмъ о ветхозавѣтныхъ, такъ какъ они, по своей важности и близости къ намъ, могутъ дать наиболѣе назиданія дѣтскому уму,—мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы можно сокращать вторую половину ветхозавѣтной исторіи до такой степени, какъ сократилъ ее авторъ, чтобы оставлять дѣтей въ невѣденіи относительно такихъ важныхъ лицъ и событій ветхозавѣтной исторіи, которыя имѣютъ неоспоримое значеніе въ исторіи приготовленія рода человѣческаго къ достойному принятію обѣтованнаго Искупителя,—напримѣръ о такихъ лицахъ, какъ Давидъ, Соломонъ, и т. п., такихъ событіяхъ, какъ плѣнъ вавилонскій, созданіе втораго храма и т. п. Во *вторыхъ*, не изъ чего не видно, чтобы авторъ имѣлъ въ виду, при изложеніи своихъ «Записокъ», дѣтей, хотя, какъ видно изъ предисловія, желаніе облегчить для дѣтей, съ самымъ ограниченнымъ развитіемъ, усвоеніе главнѣйшихъ истинъ христіанской вѣры служило для автора руководительною мыслью при составленіи разбираемаго нами руководства. Первѣе всего—при изложеніи со-

бытій ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи форма разсказа, признанная всѣми педагогами за самую удобную при изложеніи историческихъ событій, большею частію утерiana, — а вмѣсто ея встрѣчаются часто длинныя, доступныя только возрастнымъ ученикамъ, разсужденія, которыя не уясняютъ излагаемаго событія, а спутываютъ понятія дѣтей. Далѣе рѣчь автора безъ нужды и во вредъ дѣлу растянута; у него встрѣчаются такіе періоды, какъ напримѣръ »Напоминаніе, въ этихъ молитвахъ о предоставленной отъ Господа пастырямъ власти *вязать и рѣзать* грѣхи кающихся и трогательное указаніе, съ одной стороны, на безпредѣльное милосердіе Господа къ людямъ и на примѣры покаянія и прощенія отъ Господа Давида, Манассіи, двухъ должниковъ (въ притчѣ о должникахъ), и грѣшницы, которую Іисусъ Христосъ, вмѣсто того, чтобы осудить, по закону іудейскому, на побитіе камнями, простилъ, подъ условіемъ, чтобы она больше не согрѣшала, укрѣпляя въ душахъ надежду на благость и милосердіе Господа, естественно располагаетъ кающихся открыть свою душу предъ Богомъ, чтобы, по данной отъ Бога пастырямъ власти, получить прощеніе грѣховъ своихъ« (стр. 340). Такихъ длинныхъ, растянутыхъ, запутанныхъ періодовъ, въ которыхъ трудно не только дитяти, но и возрастному прослѣдить нить и ходъ мысли, очень много, напримѣръ на страницахъ 33. 70. 71. 114. 142. 246. 264 и т. д. Такая растянутая, тягучая рѣчь съ трудомъ не только усвоится, но даже и читается; негдѣ остановиться, чтобы духъ перевести. Языкъ автора неточенъ, мудренъ, непонятенъ для дѣтей; напримѣръ »съ теченіемъ времени предѣлы человѣческой жизни стали сокращаться, люди стали болѣе и болѣе забывать Бога, чувство совѣсти начало мало-по-малу *заглохать* и явилась нужда дать законъ письменный и священное писаніе, чтобы каждый могъ прямо видѣть, чему должно вѣровать и что исполнять, чтобы угодить Богу« (стр. 35); или: »Въ частности: такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ не пришло еще время къ полному раскрытію возвышеннѣйшихъ сторонъ спасительнаго ученія, то, поэтому, нѣкоторыя истины вѣры, во всей полнотѣ раскрытыя въ новомъ завѣтѣ, въ ветхозавѣтномъ ученіи преподаны въ чертахъ болѣе общихъ, примѣнительно къ менѣе совершенному духовному состоянію ветхозавѣтнаго человѣчества (таково напр. уче-

ніе о Святой Троицѣ),—а въ нравственномъ ученіи, гдѣ было въ точности опредѣлено, что должно дѣлать и чего избѣгать для угожденія Богу, не были изображены во всей ихъ возвышенности и духовномъ величіи тѣ внутреннія побужденія и христіанскія воззрѣнія на значеніе благочестивой жизни, которыя составляютъ отличный характеръ ученія христіанскаго» (стр. 50); а по мѣстамъ отличается канцелярскимъ характеромъ, какъ напримѣръ: «когда, согласно съ общаніемъ Божиимъ»... (стр. 25); «по користолобію, видя въ евреяхъ лучшихъ исполнителей самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ работъ, Фараонъ долго не соглашался отпустить евреевъ»... (стр. 33). Потомъ—темнота изложенія замѣчается не только въ отдѣльных періодахъ, но и въ цѣломъ рядѣ періодовъ, въ цѣломъ отдѣлѣ, посвященномъ одному извѣстному предмету,—таковъ отдѣлъ «объ ученіи Іисуса Христа» (стр. 64—72). Во всемъ этомъ отдѣлѣ мысли идутъ одна за другою какъ бы механически—случайно, такъ что сознательно усвоить и толково передать ихъ затруднится не только школьникъ, но и всякій возрастной—незнакомый съ божественнымъ ученіемъ Христа Спасителя. Наконецъ—встрѣчаются и лишніе повторенія одного и того же,—напримѣръ примѣчаніе о пареміяхъ есть при изъясненіи литургіи преждеосвященныхъ даровъ и при указаніи особенностей богослуженія въ праздникъ Рождества Христова. Въ *третьихъ*—вопросы, предлагаемые авторомъ послѣ каждаго разсказа или отдѣла, сами по себѣ необходимые въ руководствѣ по закону Божию, неудовлетворительны, потому что крайне длинны и многосложны. Предлагается напримѣръ такой вопросъ: «Съ какими словами беретъ священнодѣйствующій святую чашу съ престола, предъ отнесеніемъ ея на жертвенникъ, съ какими словами онъ осѣняетъ народъ святыми дарами, останавливаясь при этомъ въ царскихъ дверяхъ и что отвѣчаютъ предстоящіе на возгласъ: *всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ?*» (стр. 306). Легко ли отвѣчать на такой вопросъ? Нужно дать три отвѣта сразу, чтобы удовлетворить такъ вопрошающаго, что не по силамъ дитяти. Или, напримѣръ, легко ли отвѣчать на такой вопросъ: «Какъ смотрѣть на поведеніе тѣхъ христіанъ, которые хотятъ показать будто бы и они, наравнѣ со всѣми, молятся, а между тѣмъ въ душѣ и не думаютъ о молитвѣ, или которые, подъ видомъ крест-

наго знаменія, дѣлають самыя небрежныя и странныя движенія рукою, или даже позволяютъ себѣ осматриваться, разговаривать, смѣяться во время молитвы» (стр. 159). Такихъ вопросовъ очень много: для примѣра указываемъ на страницы—127, 134, 144, 159, 265, 270, 273, 274, 285 и т. д. Въ *четвертыхъ*—весь второй отдѣлъ, обнимающій частное и общественное богослуженіе нашей Церкви съ переводомъ на русскій языкъ главнѣйшихъ молитвъ, составленъ, по нашему понятію, безъ всякой руководительной мысли—объединяющей предметъ, безъ всякаго порядка и послѣдовательности въ разсмотрѣніи предметовъ. Напримѣръ, для насъ совершенно непонятно, почему авторъ въ концѣ отдѣла, разсмотрѣвши праздники въ честь силъ безплотныхъ и посты, говоритъ о мѣстѣ и принадлежностяхъ богослуженія. Не лучше ли, не цѣлесообразнѣе ли было бы сказать прежде о предметахъ богослужебныхъ болѣе видимыхъ и наглядныхъ, а затѣмъ уже о предметахъ, составляющихъ сущность его, т. е. не лучше ли рассказать дѣтямъ сначала о храмѣ, который они постоянно видятъ, въ который они ходятъ, потомъ о томъ, что видятъ въ храмѣ, т. е. о святыхъ иконахъ, священныихъ облаченіяхъ, о священныихъ сосудахъ и вещахъ и т. п., а затѣмъ уже и о томъ, что совершается во храмѣ? Или, на какомъ основаніи авторъ говоритъ прежде о литургіи, а послѣ уже о приготовительныхъ службахъ къ ней; не послѣдовательнѣе ли было бы сдѣлать наоборотъ, т. е. сказать прежде о приготовительныхъ службахъ къ литургіи, а затѣмъ уже предложить изъясненіе самой литургіи?

Довольно указать и на эти недостатки, чтобы видѣть несостоятельность труда о. Заркевича, по мысли и намѣренію прекраснаго, но по выполненію не удавшагося.

И. Э—ий.